

УДК (470.22)  
DOI 10.19110/1994-5655-2020-5-58-68

**М.М. ШАХНОВИЧ**  
**АЛЕКСАНДР ЛИНЕВСКИЙ**  
**И ПЕТРОГЛИФЫ КАРЕЛИИ:**  
**ХРОНИКА 1926–1929 ГОДОВ**

*БУ Национальный музей  
Республики Карелия,  
г. Петрозаводск*

*[marksuk62@mail.ru](mailto:marksuk62@mail.ru)*

**М.М. SHAKHNOVICH**  
**ALEXANDER LINEVSKY**  
**AND PETROGLYPHS OF KARELIA:**  
**CHRONICLE OF 1926–1929**

*National Museum of the Republic of  
Karelia, Petrozavodsk*

**Аннотация**

Статья посвящена краткому студенческому и послеуниверситетскому периоду жизни Александра Линевского, хронике начала его научной работы с петроглифами Карелии (1926–1929 гг.). Показана выработка молодым ученым новых методик изучения наскального искусства Карелии. Определен его вклад в формирование нового направления в археологии СССР 1920–1930-х гг. – петроглифоведение.

**Ключевые слова:**

*А. Линевский, петроглифы, Беломорье, река Выг, А. Брюсов, АКССР*

**Abstract**

The paper is devoted to a brief student and post-University period of Alexander Linevsky's life, the chronicle of the beginning of his scientific work with petroglyphs of Karelia (1926–1929). The development of new methods for studying rock art in Karelia is shown. Linevsky was greatly assisted by the leadership of the AKSSR, University teachers, A. Bryusov, S. Makaryev. His contribution to the formation of a new direction in the archaeology of the USSR of the 1920s–1930s – petroglyphology – is defined. Active field study and analysis of petroglyphs of the White Sea and lake Onega in 1926–1929 allowed A.M. Linevsky to collect material for two books, where he, for the first time, compared “ancient drawings on rocks”. Linevsky's ideas on deciphering petroglyphs are still relevant today. The paper is based on little-known archival and memoir materials.

**Keywords:**

*A. Linevsky, petroglyphs, Belomorye, the Vyg river, A. Bryusov, AKSSR*

**Введение**

В 2020 г. исполняется 90 лет первому изданию «Листы каменной книги» Александра Михайловича Линевского (3.05.1902–20.02.1985). Основатель «карельского петроглифоведения» давно стал некой «иконой» для Республики Карелия. С полным правом его называют пионером изучения петроглифов Беломорья и одним из основных исследователей «рисунков на скалах» Онежского озера.

Среди интеллигенции советской Карелии 1920–1950-х гг. А.М. Линевский выделялся незаурядной разносторонностью интересов. Окончив Ленинградский университет по специальности «этнография», в 1926–1930-е гг. он проводит активную собирательскую работу по изучению различных этнических групп карел на территории АКССР, в 1926–1928 и 1935 гг. исследует петроглифы Онежского озера и Беломорья, в 1932–1933 гг. работает в

Управлении Центральным архивом АКССР, в 1934–1954-х гг. – в Карельском научно-исследовательском институте культуры / Карельский институт языка, литературы и истории, в 1947–1949 гг. раскапывает средневековые курганы в юго-восточном Приладожье, с 1954 г. – профессиональный литератор.

Автор «Петроглифов Карелии» не обойдён вниманием современников и потомков. Существуют и биографический очерк о нём [1], и интересные наблюдения [2–4], есть прижизненное исследование творческого пути первого писателя Карелии [5] и автобиографическая повесть [6], ставшая основой для разноплановых краеведческих исследований [7–11]. В данной работе остановимся только на кратком, «студенческом и постуниверситетском» периодах жизни А.М. Линевского (1926–1929 гг.). Это время, когда он «погружался в Карелию», в увлекательную работу по изучению древнего наскального искусства.

### 1926–1927 годы

Весной 1926 г. А. Линевскому – подающему надежды студенту третьего курса географического факультета Ленинградского государственного университета<sup>1</sup> – руководители этнографического отделения, где он учился, знаменитые российские учёные с революционным прошлым, исследователи «азиатских племён», основатели «этнографической североведческой школы» Владимир Германович Богораз и Лев Яковлевич Штернберг предложили принять участие в экспедиции в АКССР [12, л. 2]. Ранее Александр уже бывал в Олонецкой губернии. Летом 1915 г. он приезжал к своему отцу – Михаилу Адамовичу, руководившему строительством участка Мурманской железной дороги между сёлами Сегежа и Сорока.

А. Линевский имел успешный опыт 5-месячной самостоятельной экспедиции в 1924 г. в Чувашскую автономную область, после года обучения на этнографическом факультете Географического института [11]. Студенческой практикой, в современном понимании, данный период трудно назвать – это был специфичный способ В.Г. Богораз жёстко отсеять «балласт» среди студентов-этнографов. В условиях тяжелейших первых лет советской России практическая работа молодого исследователя в «туземных краях Поволжья» была трудной, но максимально результативной и профессиональной. В чувашской глубинке он собрал значительный блок полевого этнографического материала, организовал первичную сеть краеведов-корреспондентов, читал лекции и информационные доклады по краеведению, писал статьи в местные газеты, работал с коллекциями в Центральном чувашском музее.

Есть сведения о раскопках «молодого археолога из Ленинграда» «могил с каменными плитами с надписями арабской вязью» мусульманского кладбища в с. Байдераково в Тетюшском уезде Казанской губернии<sup>2</sup>. По возвращении экспедиционные наработки «о чувашских верованиях» были дополне-

ны информацией в библиотеках и музейных архивах Ленинграда. Стараниями В.Г. Богораз обширная статья «Чуваши» была впоследствии напечатана в Этнографическом словаре [13], а в первом томе трудов Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий и в столичных «идеологических» сборниках увидели свет два очерка по послереволюционным преобразованиям чувашского края [14, 15]. Начиная студент-этнограф, «богатый желанием, но нищий деньгами», полностью отвечал представлениям своих учителей о «молодых реформаторах, готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, который зажгла революция», «соединяющих в себе двойное пионерство науки и культуры» [16]. Наверно, именно во время этой свободной, индивидуальной полевой деятельности у Линевского возникло ощущение некой «личной избранности в науке»<sup>3</sup>.

Экспедиция в Карелию стала возможной благодаря истории с 1 тыс. руб. на экспедиционные работы, ошибочно поступившей из Совнаркома АКССР на геофак ЛГУ. В.Г. Богораз «ходатаем» по спорному финансовому вопросу для встречи с руководством республики – председателем КарЦИКа А. Нуортва и председателем СНК Э. Гюллингом – направил в Петрозаводск А. Линевского<sup>4</sup>. Он был снабжён университетским удостоверением за подписью академика А.Е. Ферсмана и письмом от декана. Нужно отдать должное жизненному опыту и такту первых лиц Карелии, принявших, выслушавших и разглядевших в амбициозном студенте в солдатской гимнастёрке и сапогах позитивный рабочий потенциал, который можно было использовать в стремительно развивающемся «социальном проекте» – Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика. В 1938 г. почти всё руководство АКССР было репрессировано за «финский национализм», поэтому Линевский упоминает об этой судьбоносной для него встрече только в 1960-е гг.

<sup>3</sup> «Нельзя не торопиться, не торопиться бешено, очень уставал в эти пять месяцев работы ..., но не уставая твердил: усталость это дело личное, а работа, которую через несколько лет никто не сделает, есть дело общественное, есть дело историческое» [11, с. 83].

<sup>4</sup> «На третье лето я поехал начальником этнографической экспедиции в Карелию. Наша студенческая экспедиция – Дубов и Любимов (тверские карелы), Макарьев (шелтозер. вепс) и я (русский) – попала в Карелию вследствие чьей-то ошибки. Тысяча рублей была обещана Совнаркомом Карелии сотруднику этногр. отдела Русского музея проф. Давиду Александровичу Золотареву. По чьей-то ошибке перевод был направлен этнографическому факультету Географического института. Профессора Богораз и Штернберг немедленно организовали на эти деньги экспедицию из четырех человек. Деньги не были отобраны Совнаркомом от университета, поскольку Карелии было выгодно заполучить в будущем квалифицированных работников, по национальности карелов и вепса. Экспедиции Золотарева всё же работали в 1926 и 1927 и 1928 гг. Их интересы были антропологические измерения, фольклорные и этнографические записи, впоследствии опубликованные... Профессор Золотарёв предложил мне как руководителю студенческой экспедиции влиться в состав его академической экспедиции. Зная резко неприязненные взаимоотношения между Богоразом и Штернбергом с Золотаревым и Руденко, я с мальчишеской задорностью объявил: "Только на паритетных началах!"» [17, л. 77].

<sup>1</sup> До мая 1925 г. Ленинградский географический институт.

<sup>2</sup> Информация Владимира Николаевича Московского, жителя д. Новое Булаево Чувашской автономной области.

Перед поездкой в Карелию Александр наметил план «по изучению карельской культуры». Методично посещая удалённые деревни Сегозерья и Олонецкого Приладожья, он целенаправленно собирает этнографический материал сразу по нескольким темам: «*влияние производственных моментов на семейный строй карел*»; «*влияние прежней русификаторской системы на идеологические формы карел*»; «*изучение дохристианских верований карел*»; «*выявление исчезнувших форм карельского мировоззрения по остаткам идеологических пережитков*»; «*влияние производственных моментов на верования карел*», «*приметы*»,



Фото 1. А. А. Линеvский. 1927 г. Ленинград. НАРК. Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 219.  
Photo 1. A. A. Linevsky. 1927. Leningrad. NARK. F. P-3262. Op. 2. D. 219.

«*воспоминания о Видлицкой операции 1919 г. и о Гражданской войне в Олонецком районе КАССР*» [12, л. 2]. В научном архиве КарНЦ РАН хранятся семь тетрадей с размашистыми записями простым карандашом – полевые дневники студента Линеvского за 1926 и 1927 гг. [18] (фото 1).

Как вспоминал позднее А.М. Линеvский, в 1926 г. «*работе сильно мешало то обстоятельство, что на полученные 300 рублей, на снаряжение фотоматериалом и прочим ушло 70 рублей, на средства передвижения свыше 160 рублей, а оставшиеся 70 рублей на личные расходы могло хватить примерно лишь кое-как на 2 месяца. Не делая секрета, отмечу, что остальные 4,5 месяца, не имея личных средств, я должен был комбинировать исследовательскую работу с обстоятельством пребывания на одном месте такого количества времени, чтобы иметь возможность отблагодарить хозяев фотоснимками их семьи для компенсации расходов по моему содержанию. Понятно, что подобные условия существования губительно действовали на работу, так очень и очень часто приходилось сжимать её, чтобы не попасть в весьма затруднительное по-*

*ложение*» [12, л. 10]. Действительно, для полевых работ – это были очень незначительные суммы<sup>5</sup>.

В течение мая – ноября 1926 г. (с перерывом в три недели) он пешком обошёл Сегозерскую и Ругозерскую волости Паданского уезда, часть Летнеконечкой волости Кемского уезда, побывал в Андроногорском обществе и селении Выг-остров Сороцкой волости<sup>6</sup>. Ситуация в глубинке Олонии была не самая благоприятная для одиночных путешествий. На дорогах, кроме бандитов, нередко можно было встретить волков и медведей. Невзирая на все трудности, удалось собрать блок этнографического материала, «*состоящий в сыром, необработанном виде из не менее 10 печатных листов (400 тысяч знаков)*» [12, л. 10].

В начале августа 1926 г. будущему ученому посчастливилось сделать «одно из самых крупных археологических открытий первых лет Советской власти» – обнаружить в Беломорской Карелии новый «очаг» петроглифов. «*Спасибо тебе, Судьба, что ты подарила мне эти августовские сутки, решившие раз и навсегда, кем мне быть и где мне жить!*» – такими возвышенными словами он описывал события тех дней [17, л. 78]. Кроме работоспособности, здоровой амбициозности и энергии, начинающий этнограф обладал главным качеством, необходимым для успешной профессиональной деятельности, – умением производить приятное впечатление на собеседника, быстро налаживать контакты с людьми разных сословий. Неоднократно описанная, случайная встреча с местным жителем Г.П. Матросовым на дороге из Сороки в Выг-остров стала решающей для жизненного пути А. Линеvского.

Григорий Павлович отвёз на лодке столичного студента на остров Шойрукшин, находящийся напротив деревни, посреди порожистой р. Выг<sup>7</sup>. На его северной стороне располагались т.н. Чёртовы Следки – скальное обнажение площадью около 40 кв. м, «мясного» цвета, с «мешаниной» из нескольких сотен изображений: оленей, лосей, морских животных, птиц, лодок, следов ступни человека. В центре выделялась фантастическая, огромная фигура «горбатого мужчины». Хорошо заметные выбивки на скале труднодоступного острова были известны местным жителям, но только Г.П. Матросов решил, что они заинтересуют «городского чужака»: «*Пойдём, – говорит, – покажу, что у меня есть*» [4, с. 88]. А.М. Линеvский «по ассоциации» со знаменитым онежским изображением сразу реши-

<sup>5</sup> Средняя зарплата служащего в СССР в 1927 г. составляла 81 руб. при стоимости сахара 79 коп. за 1 кг, печёного белого хлеба – 22 коп. за 1 кг, монпансье – 95 коп. Бутылка молока на рынке в Петрозаводске в 1927 г. стоила 20 коп., картофеля – 15 коп. за 1 кг [19].

<sup>6</sup> «Научная работа только начиналась и местная пресса отметила приезд даже четырёх студентов» [20, л. 3].

<sup>7</sup> «Поперёк широченной в этом месте реки Выг тянулась гранитная гряда, у одного и другого берега сильное течение пробило себе выход к взморью. На одной стороне островка ревел бурный порог Шойрукша, с другого бока острова тихо струился неширокий водопад, высотой метра три – четыре. Между ними на островке на солнце блестела глянцеvидная скала багрового цвета, очень густо покрытая рисунками» [17, л. 81].



Рис. Местонахождение петроглифов на острове Шойрукшин р. Выг [25, табл. 42].

Pic. The location of petroglyphs on the island Shoirukshin of the river Vyg [25, Table 42].

тельно переименовал Чёртовы в Бесовы Следки (рисунок).

У Линевского была «кассета с дюжиной плёнок и отличный аппарат Агфа», но этого было недостаточно для фотографирования всех изображений. По совету Матросова родилась оригинальная методика: в Соробе были куплены дешёвые обои, собирали по домам газет, далее «мокрой тряпкой смачивая края изображений, проводили по их контуру линию чернильным карандашом, затем накладывали лист газет или обоев, приглаживая лист к поверхности скалы». Первые простенькие копии беломорских петроглифов стали основой для последующего их осмысления в Ленинграде.

В воспоминаниях об этом событии упоминается Алексей Воробьёв – «паренёк, своего рода дьячок в старообрядческой молельне, по своей инициативе ещё с детства разыскивающий, как "диковинки" археологический материал» [21, л. 4]. Он показал 14 мест в окрестностях деревни, где на поверхности песчаных осыпей и огородов встречались каменные орудия и неолитическая керамика.

В Беломорском районном краеведческом музее хранится маленькая (7 x 8 см) поясная студийная фотография А. Линевского и Г. Матросова. Значимые для петроглифоведения Карелии персонажи запечатлены на снимке сидящими на фоне «задника» изображением с пасторального летнего пейзажа: колонны, деревья и забор из штакетника. Они в расстегнутых двубортных демисезонных пальто, в шарфах. Линевский в модной кубанке. Скорее всего, эта «карточка на память» была сделана в одну из зим 1927–1928 гг. в Соробе, где работало фотографическое ателье (см. фото 2).

Зимой Линевский активно выступал с докладами перед преподавателями и студентами университета, археологами, демонстрировал им копии петроглифов. Он успешно анонсировал новый «очаг древнего искусства», свои предварительные наработки, желая продолжить изучение этой выразительной темы каменного века. На фоне «простых» рабочих выступлений по результатам экспедиций студентов-этнографов в разные районы СССР яркие, эмоционально-таинственные «рисунки из прошлого» Карелии вызвали большой интерес специалистов. На его докладах присутствовали «патриархи» российской археологии Александр Андреевич Спицын и специально приехавший из Москвы, «глава московской археологической школы» Васи-

лий Алексеевич Городцов. Большую роль в «продвижении открытия» сыграл фактор «свежести» материала и оригинальности «расшифровок», предлоленных молодым исследователем. Весной, во время поездки в Москву, состоялось личное знакомство с аспирантом НИИ археологии и искусствоведения РАНИОН<sup>8</sup> – Александром Яковлевичем Брюсовым, в 1926 г. начавшим, вместе с М.Е. Фосс и Д.А. Крайновым, работы на восточном побережье Белого моря.

На проходившем в марте – апреле 1927 г. в Петрозаводске VII Всекарельском съезде советов А. Линевский сообщает о своем научном открытии Александру Николаевичу Лескову, ближайшему соратнику Эдварда Гюллинга. Благожелательное отношение высшего руководства республики, которое понимало важность разносторонней научно-исследовательской работы для Карелии, позволяло ежегодно получать небольшое финансирование на полевые исследования<sup>9</sup>.

А. Линевский, наверно, первым из исследователей подробно описывает опробованный им метод копирования петроглифов, его преимущества перед другими способами снятия копий: «...Простой по технике, очень быстрый и совершенно точный

<sup>8</sup> Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук РСФСР (1925–1930 гг).

<sup>9</sup> «Приехал ... в Петрозаводск, я сделал в Обществе изучения Карелии доклад о проделанной в прошлом году работе. Благодаря вниманию руководителей Карельской республики, я получил по постановлению Совнаркома просимые мною 150 рублей, которые были израсходованы на собрание изображений, выбитых на скалах, у селения Выг-острова» [12, л. 11].

способ ... Применение обычного способа эстампажа на шведской бумаге оказывалось невозможным: у нас не было для этого ни времен, ни средств» [22, с. 36]. «Была проделана работа по механическому переносу изображений как контурных, так и рельефных (гипсовых). Чтобы перенести контуры с площади 40 кв. м, заключающих свыше 167 изображений, удалось додуматься после ряда общеизвестных способов (или очень дорогих, или очень кропотливых) до простого и очень удобного. Площадь разграничилась на квадраты (примерно 90 x 70 см), каждый квадрат смачивался водой, а затем чернильным карандашом обводились контуры изображений. Прикладываемый слегка влажный лист бумаги механически запечатлевал рисунки. Приложив копировальную бумагу лицом на чистую сторону листа посредством обвода карандашом механически нанесённых контуров, получают на другой, правой стороне, идеально точные очертания. Работы рельефных изображений совершались путём употребления гипса обычными средствами. Были сделаны несколько десятков фотографий, топограф. план и т.д.» [22, с. 49–56].



Фото 2. Г.П. Матросов и А.М. Линевский. Сорока. 1927 г. Музей «Беломорские петроглифы». № 2491. Photo 2. G.P. Matrosov and A.M. Linevsky. Soroka. 1927. Museum «White sea petroglyphs». No. 2491.

Этот «методологический манифест» Линевского неоднократно цитировался в дискуссионной историографической части более поздних работ других исследователей. Например, основной оппонент – В.И. Равдоникас – в обобщающем академическом труде о петроглифах Онежского озера, в главе, посвящённой анализу историографии наскального искусства Карелии, отвлёк около половины объёма текста критике методики копирования и «расшифровке» скальных полотен А. Линевского [23, с. 15–21]. Выполненные им копии «во всех отношениях подобные натуре» он категорично определял как ложные: «нет почти ни одной, вполне сходной с натурой, а некоторые из них ... с натурой не имеют ничего общего. ... Подобные воспроизведения только вводят в заблуждение, как читателей, так и самого исследователя» [23, с. 16]. За многословной критикой хорошо просматривается раздра-

жение мэтра к профессионально более удачливому молодому студенту. А. Линевский «неприлично» стремительно вошёл в столичные «научные круги» с ярким, уникальным материалом: получил благодарственное предисловие А.А. Спицына к своей статье 1929 г., «водил дружбу» с москвичом А.Я. Брюсовым.

Лето 1927 г. началось поездкой к открытым петроглифам на Выг-остров, куда А.М. Линевский приехал 25 июня вместе с А.Я. Брюсовым – начальником археологической экспедиции Государственного исторического музея [12, л. 19]. В работах принимали участие студенты исторического отделения историко-философского факультета по циклу археология 1-го Московского государственного университета: С.В. Романовская, Н.А. Прокошев, Д.А. Крайнов, Ю.М. Пылаева<sup>10</sup>. Студенты раскапывали неолитические стоянки, обнаруженные годом ранее, а Линевский заново копировал петроглифы «теперь уже квалифицированно: скала была расчерчена мелом на квадраты, они перенумерованы, а это позволяло позднее безошибочно срывать листы копий ... По-настоящему «читать» петроглифы ещё не умел, но – правильно улавливая связь между рисунками – уже выделял сложные композиции из тесного окружения одиночных изображений» [24, с. 99]. Вечерами происходили долгие дискуссии с А.Я. Брюсовым: «эти часы наших «раздумий вслух» давали мне очень многое», «за это время я десятки раз благодарил судьбу за знакомство с А. Я. и его эрудицию» [21, л. 5–6].

В 1927 г. на восточном берегу Онежского озера Линевский нашёл 167 новых изображений на Пери Носу и 27 – на Бесовом Носу. Общим итогом полевого сезона стала уникальная коллекция из 359 копий петроглифов [12, л. 12].

Зимой в Ленинграде продолжалась обработка экспедиционного материала. «Я не был подготовлен к такому открытию. Мои познания в разновидностях археологических памятников не отличались обилием» [17, л. 81]. А.М. Линевский ежедневно занимался изучением научной этнографической литературы в Публичной библиотеке (в его внушительном библиографическом списке значилось почти 600 работ, точнее 591 книга). Он ставил перед собой сложные вопросы о причинах появления петроглифов, пытался представить ход мыслей «первобытного анимиста», выбивавшего «рисунки на скале» [12, л. 12]. Он был уверен, что для постижения сокровенного смысла петроглифов требовались знания «примитивных религиозных форм древних эпох». Именно этнография, понимаемая А.М. Линевским в данном случае как «изучение пережитков верований», должна была дать «ключ понимания причин и поводов изображений на скалах» [12, л. 12], «петроглифы, несомненно, возникли в результате мистических представлений,

<sup>10</sup> «С А. Я. приезжали студенты и, в меньшем числе, студентки, на долю которых приходились дежурства поварами. Взаимоотношения между «м» и «ж» в экспедициях всегда были чисто товарищескими и такое явление, как «пара», не возникло» [21, л. 10].

вызванных, однако, строго материальными факторами» [25, с. 34].

Предварительным результатом «погружения в тему» стало участие в престижной двухнедельной выставке «10 лет советской науке» в Русском музее в Ленинграде. Линевскому, как представителю ЛОИКФУН<sup>11</sup>, для демонстрации петроглифов выделили целую стену большого зала. Уменьшенные в десять раз на пантографе 300 копий изображений тушью на кальке стали «гвоздём программы» юбилейного мероприятия. По воспоминаниям А. Линевского, в последствии, он получил «предложения из Финляндии (проф. А.М. Тальгерен), Швеции (Королевская Академия наук) и от каких-то журналов Германии предоставить им монополию опубликования памятников» [20, л. 1].

### 1928 год

Полевой сезон 1928 г. был максимально активным. По протекции заместителя наркома просвещения М.П. Покровского, с которым удалось познакомиться на выставке в Русском музее, впервые Линевский получает от Главнауки «открытый лист» на право обследования всего побережья Белого моря и небольшое финансирование.

Сделав доклад на заседании Общества изучения Карелии и получив от Совнаркома просимые им 220 руб., А.М. Линевский выезжает с Алексеем Воробьёвым на восточный берег Онежского озера для обследования побережья от Усть-Шалы до закрытого Муромского монастыря. На мысах Кладовец и Гажий Нос они находят 35 новых петроглифов, на Бесовом и Пери Носу – ещё 52 изображения. Для музея в Петрозаводске изготавливаются гипсовые эстампажи древних выбивок.

Затем молодой исследователь направляется в с. Сорока на Белом море, где «благодаря любезности Управления СЛОНа получил возможность обследовать и изучить форму Соловецких доисторических памятников на большом Заячьем острове, Муксольме, Анзере и в других местах» [12, л. 19]. Путешествие носило экскурсионный характер, но он выступает с докладом «о производимых Карельской республикой работах по изучению доисторических памятников» в знаменитом Соловецком отделении Архангельского общества краеведения. Знакомится с его учёным секретарем (недавним заключенным) историком и этнографом, исследователем лабиринтов Беломорья Николаем Николаевичем Виноградовым [26], который вместе с фотографом и двумя вольнонаёмными сотрудниками СЛОНа сопровождает в поездке по островам архипелага<sup>12</sup>. На полученный гонорар за выступление (200 рублей) Линевский приобретает солидный бот грузоподъёмностью в 400–500 пудов, рассчитывая продолжить работы в Беломорье в будущие полевые сезоны.

<sup>11</sup> Ленинградское общество культуры финно-угорских народов (1925–1931 гг.).

<sup>12</sup> «В Соловках от меня отобрали фотоаппарат, но взамен поставили своего фотографа и учёного секретаря СОКа Н.Н. Виноградова» [21, л. 6].

В 1930 г. поездка на Соловки повторилась. По воспоминаниям А.Я. Брюсова она не была простой. Соловецкий архипелаг – это общая закрытая территория УСЛОН ОГПУ, с режимными ограничениями. Прибытие с материка на Соловки, перемещение по островам было возможно только по специальным пропускам и в сопровождении бойцов охраны. Только благодаря помощи зав. естественным отделом Карельского государственного музея Г.А. Анкудинова небольшой команде археологов (А.Я. Брюсов, А.М. Линевский, студентки Н.Н. Гуркина и Е.В. Кузнецова) удалось получить разрешение у заместителя начальника лагерей «товарища Арвида Мартинелли»<sup>13</sup> и две недели осматривать вместе с Н.Н. Виноградовым археологические памятники на Соловецких островах [27].

Подводя итоги своей работы в 1928 г., А. Линевский пишет: «обнаружены новые 100 петроглифов, изучен ряд доисторических памятников на Соловецких островах, проверен собранный в прошлом году материал (359 петроглифов), обследовано побережье Сороцкой бухты (45 вёрст) и восточный берег Онежского озера (25 вёрст) и, наконец, изучен добытый Брюсовым материал неолитических стоянок на островке с Бесовыми Следками» [12, л. 19]. Таким образом, за 1926–1928 гг. А.М. Линевский сумел найти более 450 новых петроглифов. В заключительном примечании он счёл необходимым отреагировать на происки недоброжелателей: «слухи, что мною предоставлены западным ученым обширные материалы, абсолютно не соответствуют истине» [12, л. 23].

В августе 1928 г. за месяц «отшельнической» жизни в дер. Бесов Нос учёный написал первый, краткий вариант своего знаменитого произведения – «Листы из каменной книги». Он был уверен, что именно работа в уединении и тишине способствовала погружению в ауру древнего искусства: «Можно было в полном одиночестве, придумывая фабулу повести, медленно бродить по мысам, покрытым рисунками. Мою фантазию «распирало» от множества рождаемых мысленно эпизодов из быта родового общества Севера» [24, с. 99]. «Палеозтнографическая повесть» увидела свет в 1930 г. в двух номерах популярного в СССР московского журнала «Всемирный следопыт» [28]. «По сюжету она относится к юношеской литературе, а по языку претендует на взрослого читателя» [20, л. 3].

Одновременно с археологическими изысканиями Линевский продолжал проводить работу по сбору этнографического материала, в том числе «по верованиям русских поморов» [29, 30]. Результатом стала обширная статья «Верования» в краеведческую хрестоматию «Карелия» для учителей и учеников советских школ первой ступени, написанная по предложению члена редколлегии К.П. Герда. Первоначальный вариант статьи объёмом 3,5 печатных листа по рекомендации Наркомпроса был

<sup>13</sup> «На пароходе "Глеб Бокий", совершавшем рейсы между Кемью и Соловками, команда решила устроить кутёж в кают-компании с группой этапиремых "жриц любви". Поэтому нас направили вглубь судна и повезли в компании заключённых» [21, л. 14].

расширен сведениями по верованиям русских [12, л. 20].

А. Линеvский подготовил к публикации материалы и предварительную аналитику экспедиционных работ по наскальким изображениям Карелии. Объёмная статья «К вопросу о петроглифах Карелии» вышла в научном сборнике ЛОИКФУН – общества, активно проводившего в 1920-х гг. изучение этнографии финно-угорских народов СССР [31]. Главнаука<sup>14</sup> выделила на издание 500 руб., однако на эти небольшие деньги «из-за дорого стоящих клише» удалось «втиснуть» текст объёмом только 2,5 печатных листа (вместо фактических 12–15). Работа предварялась посвящением АКССР, с признательностью её руководству (Э.А. Гюллингу, Б.А. Потапову, Н.А. Гаппоеву): «оказавших мне в своё время всемерное содействие и материальную поддержку». Эта первая обстоятельная публикация «внесла новую интересную страницу в науку древностей восточной Европы» [22]. На основе этой статьи в декабре 1928 г. успешно защищён диплом «Петроглифы Карелии».

### 1929 год

В январе 1929 г. А. Линеvский принят в члены секции научных работников Ленинграда. Существовала возможность поступить в штат Эрмитажа, но он «предпочёл зачисление в сотрудники Исследовательского института при Этноотделении Геофака ЛГУ. Однако, это не давало зарплаты и существовать приходилось на случайные заработки» [21, с. 8]. Весной 1929 г. по протекции Брюсова им успешно сделан доклад на заседании РАНИОН в Москве.

В специализированном журнале «Охота» и региональных изданиях в 1929 г. были напечатаны его небольшие популярные очерки с иллюстрациями «о расшифровках петроглифов», позднее вошедшие главами в общий труд 1939 г. [25, 32–35].

Однокурсник Линеvского Степан Андреевич Макарьев, возглавивший Карельский государственный музей осенью 1928 г., пригласил его к себе на работу заведующим только организованного исторического отдела и секретарём Бюро краеведения, которое должно было курировать всю научно-исследовательскую деятельность в Карелии. После официального письма наркома просвещения АКССР Ю. Сиройла 15 мая 1929 г. А. Линеvский переехал навсегда в Петрозаводск. Во многом это было правильное, судьбоносное решение<sup>15</sup>. Через месяц после его отъезда в «тихую» Карелию, в Ленинграде, по решению правительственной комиссии из Москвы, начались жёсткие «чистки» в научных учреждениях, сопровождавшиеся массовыми увольнениями, а потом и арестами «членов контрреволюционно-монархической организации» учё-

ных-гуманитариев и краеведов по печально известному «Академическому делу», сфабрикованному ЛенОГПУ [36]. В северной столице молодой учёный дворянского происхождения неизбежно попал бы в губельные жернова классовых репрессий. В Карелии же А. Линеvский, как член Ленинградской секции научных работников, был на особом положении единственного «официального» представителя «научной корпорации».

В Петрозаводске Линеvский окунается в водоворот музейной, краеведческой и литературной работы. «В музее приходилось быть единственным экскурсоводом, по Бюро краеведения читать множество лекций, делать разного рода доклады, также руководить кружком "Друзья музея", готовить кадры экскурсоводов по Карелии и в Петрозаводске (по инициативе общества "Турист"), вести фотокружок, руководить кружками в школах по истории Карелии. Тогда же осенью 1929 года мною была организована Карельская Ассоциация Пролетарских Писателей (КАПП)» [20, л. 3]. Деятельность кружков дополнялась, по инициативе их руководителя, экскурсионными «вылазками за город» в выходные с ночёвками в лесу.

Основной задачей молодого музейного сотрудника было создание новой экспозиции, сначала в нескольких комнатах дома КарЦИКа на площади имени 25 Октября, а затем в перестроенном здании бывшего собора св. Александра Невского. «Пришлось проявить много изобретательности, чтобы из хаотического собрания самых разнообразных экспонатов сделать в современном смысле исторический отдел, состоящий из подразделов археологии, истории, искусства, а также и этнографии» [20, л. 3].

В 1929 г. руководством АКССР Карельский государственный музей рассматривался как координационный центр всех научных работ, проводимых столичными институтами на территории Карелии: «политико-просветительского и научного учреждения, объединяющего всю работу в этой области в республике» [37, с. 16]. Впервые Наркомпросом республики были профинансированы и самостоятельные полевые исследования музея. В его сводный план были включены и потом успешно проведены две экспедиции С.А. Макарьева «по комплексному изучению в этнографическом и экономическом отношении» в восточное Приладожье, Шелтозерский край и совместно с Этнографическим отделением ЛГУ студенческая практика в с. Шуя, выезд А.М. Линеvского для продолжения изучения петроглифов Беломорья и археологических памятников Соловков, раскопки А.Я. Брюсова (Московский государственный исторический музей) на реках Выг и Шуя (поселения Волок, Шойрукшин остров, Бесовы Следки, Падозеро), а также орнитологические наблюдения Т.А. Анкудинова в Тунгудском районе [38, с. 4]. В 1930 г. при остром дефиците типографской бумаги удалось даже выпустить первое и, в последующие шестьдесят лет, единственное научное издание музея [39].

В Карельском государственном музее А. Линеvский работал пока не осложнились отношения с

<sup>14</sup> Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения (1921–1930 гг.)

<sup>15</sup> «... В переезде из Ленинграда в Карелию никогда не раскаивался». «Могучим стимулом, удерживающим меня в Петрозаводске, оказалась неограниченная свобода действий. Я мог делать всё, что хотел и как хотел» [17, л. 91; 21, л. 9].

С. Макарьевым, после чего в конце 1930 г. он уехал к своей жене Н. Гуриной в с. Кандалакша, чтобы участвовать в совместном создании местного музея.

### Заключение

А. Линеvский не был археологом и опирался при изучении таких оригинальных археологических памятников, как петроглифы, на методологические принципы, принятые в советской этнографии начала XX в. Но его вклад в формирование нового направления в археологии СССР 1920–1930-е гг. – петроглифоведение, трудно переоценить. Сам он так охарактеризовал результаты этого важного начального периода своей научной биографии: «Я расшифровал в 1928–30 гг. ряд петроглифов, выявлял поводы и причины возникновения отдельных групп и т.д. Не имея достаточной поддержки в период студенчества и будучи не в силах преодолеть препятствия в период 1930–35 гг., я смог возобновить необходимую полевую работу лишь летом 1935 г.» [25, с. 13].

А.М. Линеvскому принадлежат важнейшие полевые наблюдения, столь необходимые для поиска и фиксации изображений, для понимания психологии древнего художника, его «остроумных и оригинальных» изобразительных приёмов. В кратком перечислении – это смысловое разделение групп выбивок, аналитика взаимосвязи соседствующих фигур, выделение «знаков ранения» [35, с. 64], смена цветовой гаммы петроглифов в разные времена года [25, с. 11], система включения рисунков в естественный контекст скалы для передачи замысла древних выбивок (дорабатывание объёмной фактуры камня, использование естественных трещин, цветowych пятен) [40, с. 82–83]. Стилистический анализ и учёт взаимного расположения фигур Бесовых Следков позволили сделать оригинальный вывод о стадильности в выбивании изображений. Именно Линеvский предложил для очистки скал использовать химические растворы, а для поиска «логики первобытного художника» раскрашивать различными цветами разные группы изображений, что было им опробовано на Бесовых Следках.

Наблюдения учёного, его ёмкие интерпретации отдельных фигур и сюжетов на основе простой аргументации до сих пор остаются важными при попытках расшифровать петроглифы Карелии. «Что же в наследии А.М. Линеvского обрело не боящуюся времени и развития знания ценность, что сейчас нам представляется всё более значимым? ... Это – большая серия совершенно документальных наблюдений, добытых ценой многолетних самоотверженных исканий. Некоторые из них, на первый взгляд, очень частные... оказываются ключевыми посылками конкретно-исторической реконструкции духовного мира лесного неолита» [3, с. 4].

Полевое изучение и «толкование» петроглифов Беломорья и Онежского озера в 1926–1929 гг. позволили А.М. Линеvскому накопить материал для двух книг, где он впервые смог сравнить «очаги древнего карельского искусства» [25, 40]. Эти труды стали основой для кандидатской диссертации, защищенной в МГУ в 1944 г. В редакторской статье

А.Я. Брюсов эти работы характеризует как «явление исключительное»: «никому не удавалось так близко подойти к раскрытию смысла этих и аналогичных древних изображений», «смог дать блестящую реконструкцию смыслового значения рисунков», «сумел доказать одновременность выполнения различных групп и фигур» [25, с. 3].

Многолетняя научная деятельность ученого, его «простые» комментарии, «наивно-рационалистическое толкование символических знаков», «попытка осветить с помощью этнографических параллелей их значение в качестве образов магического или религиозного порядка» [23, с. 15] всегда порождали полярные мнения у археологов, но, что немаловажно, положительно стимулировали необходимость более расширенной и углублённой аргументации в дискуссии. Периодически возникающие споры о методике и положениях, предложенных А.М. Линеvским почти сто лет назад, можно расценивать, как закономерный знак уважения к мэтру, чьи идеи не потеряли актуальности и по прошествии времени. Будет справедливым отметить, что знаменитая «научно-фантастическая повесть для юношества» о хитром Льеке и петроглифах Карелии для многих советских археологов-«каменщиков» второй половины XX в. послужила положительным импульсом к выбору профессии.

### Литература

1. *Савватеев Ю.А.* В поисках достоверности: о жизни и деятельности А.М. Линеvского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
2. *Шаскольский И.П., Савватеев Ю.А., Столяр А.Д.* Памяти Александра Михайловича Линеvского // Советская археология. 1987. № 1. С. 300–301.
3. *Столяр А.Д.* Перечитывая «Петроглифы Карелии» Александра Михайловича Линеvского // Вестник Карельского краеведческого музея. 1994. Вып. 2. С. 3–16.
4. *Верхогляд В.* «Когда-нибудь, когда-нибудь... Когда?» // Краевед. 10 лет. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 86–91.
5. *Левитина А.М.* А.М. Линеvский: критико-биографический очерк. Петрозаводск: Карелия, 1973. 144 с.
6. *Линеvский А.М.* Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 62–91.
7. *Голов А.Г.* Мемуары А.М. Линеvского как источник по истории краеведения Карелии 1920–1930-х гг. // Учёные записки МГПУ. Исторические науки / Мурманский государственный педагогический университет. Мурманск, 2007. Вып. 7. С. 233–240.
8. *Шафранская К.В.* Литературный кружок А. М. Линеvского (1929–1930 гг.) // Краеведческие чтения: Материалы II научной конференции. Петрозаводск: Национальная библиотека РК, 2009. С. 7–10.
9. *Филимончик С.Н.* Писатели Карелии и власть в 1930-е годы // Балагуровские чтения: Материалы V межрегиональной краеведческой конференции. Сумский Посад: Центр поморской культуры, 2017. С. 58–67.



10. *Гороховик Е.В.* Беломорье в жизни Александра Линевого (к 115-летию со дня рождения) // Балагуровские чтения: Материалы VI межрегиональной краеведческой конференции. Беломорск: Центр поморской культуры, 2018. С. 40–49.
11. *Михайлов Е.П.* Забытый исследователь чувашей. Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты: Альманах. Чебоксары: Авалхи, 2001. С. 81–84.
12. *Национальный архив Республики Карелия* (далее – НАРК). Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 8/164. Л. 2–26.
13. *Линевский А.М.* Чуваши // Этнографический словарь. Т. 48. М.: Изд-во Русского этнографического института «Гранат», 1929. С.683.
14. *Линевский А.М.* Революция и чувашаи // Обновлённая деревня.Л.:Гос. изд-во, 1925. С. 120–137.
15. *Линевский А.М.* Комсомол Чувашии // Комсомол в деревне (Революция и комсомол). М.-Л.: Гос. издательство, 1926. С. 109–116.
16. *Ссорин-Чайков Н.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 7–44.
17. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 1. Д. 22/201. Л. 2–94.
18. *Научный архив Карельского научного центра РАН.* Ф. 26. Оп. 1. Д. 1–7.
19. *Пепутов Н.* Цены на продукты // Карело-Мурманский край. 1927. № 6. С. 26–27.
20. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 1. Д. 44/724. Л. 2–13.
21. *НАРК.* Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 5/127. Л. 2–16.
22. *Линевский А.М.* К вопросу о петроглифах Карелии (Бесовы Следки, Бесов Нос и Пери Нос) // Сборник Ленинградского общества культуры финно-угорских народностей. Т. 1. Л.: ЛОИКФУН, 1929.С. 53–95.
23. *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. Ч. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.212 с.
24. *Линевский А.М.* Двадцатые годы. Воспоминания // Север. 1967. № 6. С. 96–102.
25. *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
26. *Марковская Е.В.* Николай Николаевич Виноградов, как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 198–199.
27. *Кузьминых С.В., Щавелёв С.П.* Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 636–704.
28. *Линевский А.М.* Листы из каменной книги // Всемирный следопыт. 1930. № 3–4.
29. *Линевский А.М.* Материалы к обряду отпуска в пастушестве Карелии (Летнеконечная вол. Карельской АССР) // Этнограф-исследователь. 1928. № 23. С. 41–45.
30. *Линевский А.М.* Роль этнографа в советском строительстве // Советское строительство. 1929. № 8. С. 112–114.
31. *Королькова Л.В.* Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Дела. Люди и судьбы // In situ: Сб. к 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 421–432.
32. *Линевский А.М.* Петроглифы Карелии. (Наскальные изображения 3000-летней давности) // Карело-Мурманский край. 1928. № 12. С. 18–21.
33. *Линевский А.М.* Морской и озёрно-речной промыслы в древней Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1929. № 3. С. 108–122.
34. *Линевский А.М.* Об охотничьих суевериях // Охотник. 1929. № 3. С. 30–31.
35. *Линевский А.М.* Промысел на лося и оленя за 3000 лет до нас // Охотник. 1929. № 9. С. 28–33.
36. *Брачёв В.С.* «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб.: Нестор, 1997. 113 с.
37. *Савватеев Ю.А.* Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 10–41.
38. *Макарьев С.А.* Научно-исследовательские работы в Карелии в 1929 году // Красная Карелия. 1929. № 113 (4).
39. *Карелия:* Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Т. 1. Петрозаводск, 1930. 153 с.
40. *Линевский А.М.* Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. 130 с.

#### References

1. *Savvateev Yu.A.* V poiskakh dostovernosti: o zhizni i deyatel'nosti A.M. Linevskogo [In search of authenticity: about the life and work of A.M. Linevsky] // Sever [The North]. 2010. № 7–8. P. 94–107.
2. *Shaskol'sky I.P., Savvateev Yu.A., Stolyar A.D.* Pamyati Aleksandra Mikhaylovicha Linevskogo // Sovetskaya arkheologiya [In memory of Alexander M. Linevsky // Soviet archeology]. 1987. № 1. P. 300–301.
3. *Stolyar A.D.* Perechityaya «Petroglify Karelii» Aleksandra Mikhaylovicha Linevskogo [Rereading «Petroglyphs of Karelia» by Alexander M. Linevsky] // Bull. of the Karelian Museum of local lore. 1994. Vol. 2. P. 3–16.
4. *Verkhoglyadov V.* «Kogda-nibud', kogda-nibud'... Kogda?» // Kraeved. 10 let [«Someday, someday... When?» // Local Historian. 10 years]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1999. P. 86–91.
5. *Levitina A.M.* A.M. Linevskiy: kritiko-biograficheskiy ocherk [A.M.Linevsky: critical and biographical essay]. Petrozavodsk: Karelia, 1973. 144 p.
6. *Linevsky A.M.* Stranitsy minuvshogo [Pages of the past] // Sever [The North]. 1987. № 4. P. 62–91.
7. *Golov A.G.* Memuary A.M. Linevskogo kak istochnik po istorii kraevedeniya Karelii 1920–1930 gg.//Uchenye zapiski MGPU. Istoricheskie nauki [Memoirs of A.M. Linevsky as a source on the history of local lore of Karelia in the

- 1920s-1930s // Sci. notes of Murmansk State Pedagog. Univ. Historical Sciences] / Murmansk State Pedagog. Univ. Murmansk, 2007. Issue 7. P. 233–240.
8. *Shafranskaya K.V.* Literaturnyy kruzhok A.M. Linevskogo (1929–1930 gg. [A.M. Linevsky's literary circle (1929–1930)] // Local History readings: Materials of the II sci. conf. Petrozavodsk: National library of the Republic of Karelia, 2009. P. 7–10.
  9. *Filimonchik S.N.* Pisateli Karelii i vlast' v 1930 godu [Writers of Karelia and power in the 1930s] // Balagurov Readings: Proc. of the Vth interregional conf. on local lore. Summary Posad: Center of Pomor culture, 2017. P. 58–67.
  10. *Gorokhovich E.V.* Belomor'ye v zhizni Aleksandra Linevskogo: (k 115-letiyu so dnya rozhdeniya) [Belomorye in the life of Alexander Linevsky (to the 115th birth anniversary)] // Balagurov Readings: Proc. of the VIth inter-regional conf. on local lore. Belomorsk: Center of Pomor culture, 2018. P. 40–49.
  11. *Mikhailov E.P.* Zabytyy issledovatel' chuvashy [The forgotten Explorer of the Chuvash]. Chuvash National Museum. People. Events. Facts: Almanac. Cheboksary: Avalkhi, 2001. P. 81–84.
  12. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya* [National archive of the Republic of Karelia] (Further – NARK). F. P-3262. Op. 2. D. 8/164. L. 2–26.
  13. *Linevsky A.M.* Chuvashi // Etnograficheskoye slovar' [The Chuvash // Ethnographic dictionary]. Vol. 48. Moscow: Publ. House of the Russian bibliographic Inst. "Granat", 1929. P. 679–683.
  14. *Linevsky A.M.* Revolyutsiya i chuvashi // Obnovlennaya derevnya [Revolution and the Chuvash // Renewed village]. Leningrad: State Publ., 1925. P. 120–137.
  15. *Linevsky A.M.* Komsomol Chuvashii // Komsomol v derevne (Revolutsiya i komsomol) [The Komsomol of Chuvashia // The Komsomol in the countryside (Revolution and the Komsomol)]. Moscow-Leningrad: State Publ., 1926. P. 109–116.
  16. *Ssorin-Chaykov N.* Ot izobreteniya traditsii k etnografii gosudarstva: Podkamennaya Tunguska, 1920-e gody // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [From the invention of tradition to the Ethnography of the state: Podkamennaya Tunguska, 1920s // J. of social policy research]. 2011. Vol. 9. № 1. P. 7–44.
  17. NARK. F. P-3262. Op. 1. D. 22/201. L. 2–94.
  18. *Nauchnyy arkhiv Karel'skogo Nauchnogo Tsentra RAN* [Sci. Archive of the Karelian Sci. Centre, RAS]. F. 26. Op. 1. D. 1–7.
  19. *Peputov N.* Tseny na produkty // Karelo-Murmanskiy kray [The price of food // Karelian-Murmansk region]. 1927. № 6. P. 26–27.
  20. NARK. F. R-3262. Op. 1. D. 44/724. L. 2–13.
  21. NARK. F. R-3262. Op. 2. D. 5/127. L. 2–16.
  22. *Linevsky A.M.* K voprosu o petroglifakh Karelii (Besovy Sledki, Besov Nos i Peri Nos) // Sbornik Leningradskogo obshchestva kul'tury finno-ugorskikh narodnostey [On the problem of petroglyphs of Karelia (Besovy Sledki, Besov Nos and Peri Nos) // Collection of the Leningrad society of culture of Finno-Ugric peoples]. Vol.1. Leningrad: LOIKFUN, 1929. P. 53–95.
  23. *Ravdonikas V.I.* Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera [Rock images of lake Onega]. Part 1. Moscow-Leningrad, 1936. 212 p.
  24. *Linevsky A.M.* Dvadsatye gody. Vospominaniya [The Twenties. Memories] // Sever (The North). 1967. № 6. P. 96–102.
  25. *Linevsky A.M.* Petroglify Karelii [Petroglyphs of Karelia]. Petrozavodsk: Karelian State Publ., 1939. 194 p.
  26. *Markovskaya E.V.* Nikolay Nikolaevich Vinogradov, kak sotrudnik Karel'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (1932–1937 gg.) [Nikolai N. Vinogradov as an employee of the Karelian research Institute (1932-1937)] // Ryabinin Readings–2007. Petrozavodsk, 2007. P. 198–199.
  27. *Kuz'minykh S.V., Shchavelov S.P.* Vospominaniya Aleksandra Yakovlevicha Bryusova «Na tropakh arkheologii» [Memoirs of Alexander Ya. Bryusov «On the paths of archeology» // Russian archaeological Yearbook. 2012. № 2. P. 636–704.
  28. *Linevsky A.M.* Listy iz kamennoy knigi // Vsemirnyy sledopyt [The leaves of the stone book // World tracker]. 1930. № 3–4.
  29. *Linevsky A.M.* Materialy k obryadu otpuska v pastushestve Karelii (Letnekonetskaya vol. Karel'skoy ASSR.) // Etnograf-issledovatel' [Materials for the holiday rite in the pastoral state of Karelia (Letnekonetsk volost of the Karelian ASSR) // Ethnographer and researcher]. 1928. № 23. P. 41–45.
  30. *Linevsky A.M.* Rol' etnografa v sovetskom stroitel'stve // Sovetskoe stroitel'stvo [The role of the ethnographer in the Soviet construction // Soviet construction]. 1929. № 8. P. 112–114.
  31. *Korol'kova L.V.* Leningradskoe obshchestvo issledovateley kul'tury finno-ugorskikh narodnostey. Dela. Lyudi i sud'by // In situ: Sb. k 85-letiyu prof. A.D. Stolyara [The Leningrad society of researchers of culture of the Finno-Ugric peoples. Affairs. People and destinies // In situ: Collection for the 85th anniversary of Prof. A.D. Stolyar]. St. Petersburg, 2006. P. 421–432.
  32. *Linevsky A.M.* Petroglify Karelii. (Naskal'nye izobrazheniya 3000-letney davnosti) [Petroglyphs of Karelia (3000-year-old rock images) // Karelo-Murmansk region. 1928. № 12. P. 18–21.
  33. *Linevsky A.M.* Morskoy i ozerno-rechnoy promysly v drevney Karelii // Ekonomika i statistika Karelii [Sea and lake and river fish-

- eries in ancient Karelia // Economy and statistics of Karelia]. 1929. № 3. P. 108–122.
34. *Linevsky A.M.* Ob okhotnich'ikh sueveriyakh // Okhotnik [About hunting superstitions // Hunter]. 1929. № 3. P. 30–31.
35. *Linevsky A.M.* Promysel na losya i olenya za 3000 let do nas [Moose and deer hunting 3000 years before us] // Hunter. 1929. № 9. P. 28–33.
36. *Brachev V.S.* «Delo istorikov». 1929–1931 gg. [“The case of historians”. 1929-1931]. St.Petersburg, 1997. 113 p.
37. *Savvateev Yu.A.* Stepan Andreevich Makar'yev: zhizn' i deyatel'nost' (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vepsy: istoriya, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty [Stepan A. Makaryev: life and work (to the 100th birth anniversary) // The Veps history, culture and interethnic contacts]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1999. P. 10–41.
38. *Makaryev S.A.* Nauchno-issledovatel'skie raboty v Karelii v 1929 godu [Research work in Karelia in 1929] // Krasnaya Kareliya [Red Karelia]. 1929. № 113 (4).
39. *Kareliya: Ezhegodnik Karel'skogo gosudarstvennogo muzeya za 1928 god* [Yearbook of the Karelian State Museum for 1928]. Vol. 1. Petrozavodsk, 1930. 153 p.
40. *Linevsky A.M.* Ocherki po istorii drevney Karelii [Essays on the history of ancient Karelia]. Petrozavodsk: State Publ. House of the Karelo-Finnish SSR, 1940. 130 p.

Статья поступила в редакцию 27.05.2020